

Б. Г. АШХОТОВ

Северо-Кавказский государственный институт искусств

УДК 78.072

ВСПОМИНАЯ ПУТЬ МОЕГО «ВХОЖДЕНИЯ» В ЭТНОМУЗЫКАЛЬНЫЙ МИР...

*Учитель, перед именем твоим
позволь смиренно преклонить колени!*

Н. А. Некрасов

Несомненно, любой из нас в процессе обучения ощущал влияние личности учителя, совершая те или иные поступки, осуществляя намерения и определяя своё будущее. Как правило, всё это связывают с именем первого учителя. Но так бывает не всегда. Ибо в раннем возрасте человек ещё не готов сделать свой выбор.

Моё стремление познать традиционную культуру (пока ещё неосознанное) проявилось, когда я учился на первом курсе в Нальчикском музыкальном училище (1970). И в этом плане начальную ориентацию мне дал директор училища М. Хасанов, который вёл курс элементарной теории музыки. Эта дисциплина не имела прямого отношения к фольклору, но когда я выбрал тему курсовой работы, связанную с кабардинской песней, он, ознакомившись с ней, оказался настолько прозорлив, что сумел распознать во мне то, что, возможно, ещё было скрыто в глубине души. До сих пор отчётливо помню его слова, с привычной для его характера доброй иронией: «Ашхотов, ты не курсовую работу написал, а целое исследование». И хотя тогда ещё и в мыслях моих не было, чем я стану заниматься в дальнейшем, обронённая Мусой Хабаловичем фраза на подсознательном уровне сориентировала меня на творческую и научную деятельность, за что я ему бесконечно благодарен.

Позже, во время учёбы в Астраханской консерватории, на мой выбор дальнейшей специализации во многом повлиял А. С. Ярешко, который с искренней любовью к народной песне и своему предмету читал нам лекции по народному музыкальному творчеству. Окончил я консерваторию в 1979 году с дипломной работой, посвящённой непростой (как я потом понял) теме – адыгской традиционной песне-плачу (гъыбзэ).

Несколько ранее в Нальчике усилиями сотрудников Республиканского научно-исследовательского института была организована крупномасштабная работа по сбору фольклорных материалов с целью издания многотомного сборника адыгских народных песен и инструментальных наигрышей. Проводились комплексные полевые экспедиции по Шапсугии, Адыгеи, Карачаево-Черкессии, Северной Осетии и Кабардино-Балкарии, в которых в 1977–1978 годы я также принимал активное участие.

Именно тогда от руководителей этих экспедиций З. П. Кардангушева и З. М. Налоева я услышал много интересного и полезного о Е. В. Гиппиусе как учёном и человеке. Таким образом, у меня сформировалось устойчивое мнение о Евгении Владимировиче как личности, обладающей чрезвычайной эрудицией и высоким профессионализмом. Я обожествлял его и отождествлял с личностью эпохи Ренессанса.

После окончания консерватории меня, единственного тогда в республике специалиста по музыкальной фольклористике, решили направить продолжать образование в аспирантуре именно у Е. В. Гиппиуса потому, что он, осуществляя общее руководство готовившегося свода адыгского фольклора, был глубоко осведомлён в этом непростом материале.

Моё знакомство с Евгением Владимировичем состоялось в 1979 году. Я приехал в Москву со своей дипломной работой, исполненный оптимизмом, но в то же время испытывал большую робость от того, что мне предстоит разговаривать с легендарной (по крайней мере, для меня) личностью. Сказать, что в этот момент я волновался и боялся встречи, – значит не сказать ничего, поскольку я должен был встретиться с выдающимся исследователем, олицетворяющим высокоинтеллигентного человека, обладающим энциклопедическими знаниями (и не только в области музыкальной фольклористики), осознавая при этом всю ответственность перед старшими коллегами, которые меня направили.

В моей памяти сразу же запечатлелся особый блеск глаз Евгения Владимировича. Для 76-летнего мужчины меня поразил необычайно лучистый характер этого блеска, в котором, с одной стороны, я увидел интеллигентного и глубоко мыслящего человека, а с другой стороны, как мне показалось, в его взгляде прочитывался неподдельный интерес ко мне («кто ты и что можешь сказать мне?»). При этом степень моего психологического напряжения резко начала зашкаливать. Я, по наивности, думал, что кратко изложу суть своего визита и после беглого ознакомления с моими намерениями, Евгений Владимирович вынесет свой вердикт. Но всё произошло совершенно иначе и развёртывалось по другому сценарию. Он очень деликатно забрал мою дипломную работу, прочитал её название, по непонятным мне причинам выразительно

подняв левую бровь, а затем завёл в свободный кабинет, дав фондовую запись историко-героической песни «Санджалей» для расшифровки. Находясь в экстремальной ситуации и в напряжённом эмоциональном состоянии, (вдобавок работая с незнакомым для меня магнитофоном с переключателем на замедленный темп звучания), я с заданием полностью не справился (особенно с речитативной линией солиста). Евгений Владимирович также вежливо забрав практически чистый нотный лист, предложил прийти завтра к 10 часам. Можно было себе представить, как словно в тумане, не видя ничего перед собой, уходил я от него. До сих пор при воспоминании об этой ситуации я покрываюсь холодным потом и не могу освободиться от испытанного тогда чувства стыда и неловкости.

Назавтра со страхом и трепетом я вновь оказался перед обожествляемым мною Человеком, который с характерным для него тактом говорил что-то о моей «писанине», а в конце произнёс сакраментальную фразу: «Вы представляете, что свою голову засунули в пасть льва? Ну что же, дерзайте, молодой человек!». Иронию в его словах я заметил, а к чему именно она была направлена, я понял только в середине 1980-х годов, когда вполне осознанно и с особым упорством приступил к разработке кандидатской диссертации на тему дипломной работы, гораздо усложнив её контекст. Диссертация «Гъыбзэ – особая стилистическая форма адыгского фольклора» под научным руководством И. И. Земцовского в 1996 году была мною успешно защищена в Российском институте истории искусств в Санкт-Петербурге.

После возвращения из Москвы мои желания заниматься родным фольклором были разбиты семейно-бытовыми проблемами, а отсутствие жилья не позволяло осуществлению моей мечты. Обещав выделить жилплощадь, Министерство культуры республики предложило занять должность директора методического кабинета по учебным заведениям, и я вскоре со всей страстью окупился в проблемы музыкального образования. Однако слова, сказанные Е. В. Гиппиусом, будоражили меня и в положительном смысле подпитывали моё профессиональное честолюбие.

С трудом находя время для любимого душой и сердцем занятия, я урывками самостоятельно собирал полевой музыкальный материал, писал статьи, занимался транскрипцией записей. Здесь я должен сказать, что в студенческие годы, разумеется, читал труды Е. В. Гиппиуса, был знаком и с его песенными сборниками «Песни Пинежья» и «Осетинские народные песни». Особо меня привлекал последний сборник, стилистически близкий предмету моего исследования. Конечно, как начинающий фольклорист я не мог ещё оценить тогда всю новизну и ценность его метода расшифровки нот, но интуитивно ощущал, что именно такой подход адекватно отражает

особенности общекавказского песнопения. В 1982 году научно-исследовательский институт вновь пригласил меня работать по совместительству в секторе фольклора, но несовпадение позиций двух работодателей опять не дали возможности включиться в продолжающуюся большую работу по созданию многотомного издания. В эти годы из Москвы неоднократно приезжал известный фольклорист А. С. Кабанов, осуществлявший сверку подготовленных письменных материалов и графического изложения напевов в соответствии с принципами расшифровки Е. В. Гиппиуса. По возможности я с ним встречался, показывая свои расшифровки. Таким образом, с его помощью я всё глубже овладевал данной методологией.

Начиная с 1990 года, уже работая в Северо-Кавказском государственном институте искусств, я продолжил свои научные изыскания. Именно тогда ко мне пришло полное осознание достоинств нового подхода к транскрипции песенно-инструментального фольклора в отечественной музыкальной фольклористике, всей ценности и универсальности метода, предложенного Е. В. Гиппиусом. Занимаясь генезисом адыгского народного многоголосия и используя при этом современный аналитический метод, я впервые смог распознать особенности морфологии традиционной сольно-групповой песни адыгов, обнаружив в ней многоаспектный диалогический характер коррелирующихся пластов и сквозную форму формостановления.

Особую научную и художественную ценность четырёхтомной антологии «Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов», выпущенной издательством «Советский композитор» в период с 1980 по 1990 годы, невозможно переоценить. Вся эта крупномасштабная работа была организована и проведена под непосредственным руководством выдающегося этномузыколога XX века Е. В. Гиппиуса. После выхода в свет первого тома «Песни и инструментальные наигрыши, приуроченные к определённым обстоятельствам», известный московский фольклорист-нартвед С. Алиева писала, что «немного сыщется изданий, содержательность и значение которых станет вровень с ним. Ценность его с годами лишь возрастёт, значение непреходящее, а сама история этого труда есть история становления национальной науки об устном народном творчестве, история культуры» («Кабардино-Балканская правда», 1980, 25 ноября). В доказательство сказанных слов можно констатировать, что с появлением первого тома антологии и до наших дней, используя транскрибированный нотный материал всего свода адыгских песен, уже защищены 7 кандидатских и 4 докторские диссертации. Данный фактор убедительно может свидетельствовать о ценности наследия адыгской культуры и метода Евгения Владимировича, представившего на новом научно-познавательном уровне народную песню.



Не беря на себя смелость оценки роли и значения Е. В. Гиппиуса в отечественной и мировой музыкальной фольклористике, скажу, что адыгский народ в целом и национальная фольклористика, в частности, находятся в неоплатном долгу перед замечательным человеком и большим учёным. Благодаря его научной

и творческой воле на невиданном до сих пор научном уровне осуществлена письменная фиксация народно-песенного наследия адыгов. Тем самым Евгений Владимирович обеспечил его сохранность на долгие столетия.

Вспоминая путь моего «вхождения» в этномузыкальный мир...

Статья посвящена непродолжительной встрече с Е.В. Гиппиусом, которая имела позитивные последствия в профессиональном становлении и выборе жизненных приоритетов автора. Короткое знакомство с выдающейся личностью, его трудами и научными методами способствовало постижению специфичности адыгского музыкально-поэтического наследия. Следуя принципам текстологического анализа, выдвинутому этим учёным, удалось установить диалоговую основу многих жанров адыгского фольклора, определявшую алгоритм корреляции двух пластов традиционного сольно-группового пения. Это нашло выражение в многовариан-

ном взаимодействии декламационно-дискретной линии солирующего голоса и мужского хорового сопровождения, как правило, имеющего континуальное изложение. Метод аналитической нотации Е. В. Гиппиуса также способствовал обнаружению в историко-героическом жанре особой драматургии формостановления, репрезентирующей сквозную структуру песенной фактуры.

Ключевые слова: Е. В. Гиппиус, метод аналитической нотации, адыгская музыка устной традиции, фольклорная мелодика

Remembering the Path of my "Admittance" into the World of Ethnomusicology...

The article deals with the author's brief meeting with Evgeny Gippius, which had favorable consequences in the former's professional formation and choice of priorities in life. He contemplates on how a short meeting with the outstanding personality, his works and scholarly methods was conducive for the understanding of the specificity of the Adygeian (Circassian) musical and poetical legacy. By following the principles of the musicologist's textual analysis, it became possible to establish the dialogue foundation of many of the genres of Adygeian folk music that determines the algorithm of the correlation of two strata of the traditional solo and group singing. This found

expression in the poly-variant of the declamatory-discrete line of the solo voice with the male choral accompaniment, which has a continual form of exposition, as a rule. Gippius' method of analytical notation was also conducive to revealing in the historical heroic genre of a special dramaturgy of form-generation, which represented the through structure of song texture.

Keywords: Evgeny Gippius, method of analytical notation, Adygeian (Circassian) music of the oral tradition, folk music melodicism

Ашхотов Беслан Галимович

доктор искусствоведения,
проректор по учебной работе,
профессор кафедры истории и теории музыки
E-mail: mail@skgii.ru
Северо-Кавказский
государственный институт искусств
Российская Федерация, 360000 Нальчик

Beslan G. Ashkhotov

Doctor of Arts,
Pro-Rector for Studies,
Professor at the Music History
and Music Theory Department
E-mail: mail@skgii.ru
The Northern Caucasus State Institute for the Arts
Russian Federation, 360000 Nalchik

